Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-373-378
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ТЕРТЫЧНАЯ Илона Викторовна,
доцент кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета МВД России,
полковник полиции, кандидат юридических
наук, доцент
e-mail: mail@law-books.ru

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ КАК ОБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема определения места деятельного раскаяния в системе криминалистического знания. Отмечается отсутствие единого подхода в научной среде и дискуссионность вопроса о признании деятельного раскаяния самостоятельным объектом познания. Обосновывается целесообразность осмысления деятельного раскаяния как одной из форм посткриминальной деятельности, которая, в свою очередь, рассматривается как структурный элемент объекта криминалистики. Раскрываются предпосылки формирования частной криминалистической теории посткриминальной деятельности (онтологические, гносеологические, практические) и их проводится их экстраполяция на деятельное раскаяние. Предлагается криминалистическая характеристика деятельного раскаяния, включающая такие элементы как субъект, мотивацию, следственную ситуацию, систему активных действий и следовую картину. Обосновывается авторская периодизация деятельного раскаяния, охватывающая пять этапов. Делается вывод о теоретической и практической значимости осмысления деятельного раскаяния как объекта познания.*

Ключевые слова: *деятельное раскаяние, криминалистическая деятельность, посткриминальное поведение, доказывание, криминалистически значимая информация, объект познания.*

Для цитирования: *Тертычная И. В. Деятельное раскаяние как объект познания в криминалистической науке и практике // Право и управление. 2026. № 10. С. 373–378.*

TERTYCHNAYA Ilona Viktorovna,
Associate Professor, Department of Forensic Science,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Police Colonel, Candidate of
Law, Associate Professor

ACTIVE REPENTANCE AS AN OBJECT OF KNOWLEDGE IN FORENSIC SCIENCE AND PRACTICE

Annotation. *The article examines the problem of determining the place of active repentance in the system of forensic knowledge. There is a lack of a unified approach in the scientific environment and the controversial issue of recognizing active repentance as an independent object of knowledge. The expediency of comprehending active repentance as one of the forms of post-criminal activity, which, in turn, is considered as a structural element of the object of forensic science, is substantiated. The prerequisites for the formation of a private forensic theory of post-criminal activity (ontological, epistemological, practical) are revealed and they are extrapolated to active repentance. A forensic characterization of active remorse is proposed, including such elements as subject, motivation, investigative situation, system of active actions and the following picture. The author's periodization of active repentance, covering five stages, is justified. A conclusion is made about the theoretical and practical significance of comprehending active repentance as an object of knowledge.*

Key words: *active repentance, forensic activity, post-criminal behavior, proof, criminally significant information, object of knowledge.*

For citation: *Tertychnaya I. V. Active repentance as an object of knowledge in forensic science and practice. Law and administration. 2026;(10):373–378. (In Russ.).*

В науковедении общепризнанным является положение о том, что формирование любого учения (концепции, теории, научной дисциплины) возможно лишь при наличии определённых предпосылок. Научное знание не возникает спонтанно: его генезис предполагает наличие теоретико-методологического и социокультурного фундамента. Данный тезис получил развёрнутое обоснование в ряде гносеологических, историко-научных и социокультурных концепций.

В отечественной эпистемологии разработана концепция предпосылочного знания, согласно которой новое знание надстраивается над уже существующим и включает абсолютные, научные и социокультурные предпосылки. Системно эта идея развита В. С. Степиным, согласно которому формирующиеся в науке учения детерминированы научной картиной мира, идеалами и нормами исследования, а также философскими основаниями, которые, в свою очередь, обусловлены как спецификой объекта познания, так и социокультурным контекстом [1, с. 185–190].

Аналогичный вывод следует из концепций роста научного знания XX века. К. Поппер отмечал, что теории не выводятся непосредственно из фактов, а представляют собой предположения, всегда опирающиеся на определённые метафизические (философские) предпосылки [2, с. 56–60]. И. Лакатос также исходил из наличия «жёсткого ядра» — совокупности фундаментальных предпосылок, которые не подвергаются сомнению внутри исследовательской программы и определяют направление её развития [3, с. 48–52].

Таким образом, формирование научного учения (концепции, теории, научной дисциплины) подчинено логике предпосылочности познания и представляет собой закономерный результат вызревания внутринаучных, социокультурных и философско-мировоззренческих предпосылок, а не спонтанный акт.

Экстраполируя данный тезис на криминалистическую науку, следует подчеркнуть, что формирующаяся в настоящее время идея о необходимости уточнения и дополнения объекта криминалистики за счёт выделения в его структуре посткриминального поведения преступника, неразрывно связанного с криминальной деятельность, и, соответственно, возникновение и развитие частной криминалистической теории о посткриминальной деятельности [4, 5], опирается на вполне определённые гносеологические, онтологические и практические предпосылки, сформировавшиеся к настоящему времени.

Согласно устоявшейся точке зрения, восходящей к определению Р. С. Белкина, объектно-предметная область криминалистики представляет собой систему, образуемую двумя функционально взаимосвязанными группами закономерностей. С одной стороны — закономерности познания сущности преступной (криминальной) деятельности: сложно организованного деструктивного поведения, реализуемого в подготовке, совершении и сокрытии преступления. С другой — закономерности познания сущности криминалистической (судебно-следственной) деятельности, которая состоит в получении, собирании, исследовании и использовании доказательств для раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

В указанном подходе уже заложены предпосылки для включения посткриминальной деятельности в орбиту криминалистического познания. Вне зависимости от того, явилось ли преступное деяние результатом организованного или неупорядоченного способа действий, от результатов расследования и от того, квалифицируется ли содеянное как преступление особо тяжкое либо небольшой тяжести, лицо, совершившие преступление, переживает определенные эмоции, что в посткриминальный период создаёт предпосылки для выбора определённой формы посткриминальной деятельности и поведения, неразрывно связанных с деятельностью криминальной.

Посткриминальная деятельность не является случайным набором разрозненных актов. Она объективно существует, обладает собственной структурой, стадиями, мотивами и типичными формами: противодействие расследованию, содействие правосудию, имитация раскаяния, самооговор, индифферентное поведение. Эти формы причинно связаны с предшествующей криминальной деятельностью и потому могут рассматриваться как продолжение единого процесса. ти формы причинно связаны с предшествующей криминальной деятельностью и потому могут рассматриваться как продолжение единого процесса. В этом нам видится онтологическая предпосылка возникновения и развития частной криминалистической теории о посткриминальной деятельности.

Гносеологическая предпосылка заключается в том, что посткриминальное поведение доступно научному познанию. В нём обнаруживаются повторяемость, устойчивые связи, отражаемость и информационная значимость. Это позволяет сначала выявить и описать типичные закономерности, а затем на их основе сформировать теоретический фундамент, создающий базу для противодействия негативным формам посткриминального поведения (противодействию расследованию, имитации раскаяния, самооговору) и для стимулирования его позитивных форм (деятельного раскаяния, содействия правосудию, заглаживания вреда).

Формирование частной криминалистической теории посткриминальной деятельности

подчинено общей логике продуцирования криминалистического знания. Криминалистика создаёт теории не ради самого теоретизирования, а для устранения неопределённости в представлениях о тех или иных фрагментах реальности. В этом смысле исходной предпосылкой выступает познавательная потребность: необходимость объяснить, почему и как лицо, совершившее преступление, действует после его окончания, какие закономерности характеризуют выбор между противодействием расследованию, содействием правосудию, и иными формами посткриминального поведения.

Таким образом, предпосылками частной криминалистической теории посткриминальной деятельности выступают:

наличие эмпирически выявленной системы устойчивых связей в посткриминальном поведении;

сформированность исходной теоретической структуры (например, системно-деятельностный подход позволяет рассматривать посткриминальную деятельность как сложную динамическую систему, учение о механизме преступления даёт основу для понимания перехода от криминальной активности к посткриминальной, криминалистическая ситуалогия помогает типизировать ситуации, в которых реализуется раскаяние или противодействие и т.д.);

методологическая готовность криминалистики к построению такого рода теории;

практическая потребность в объяснении и прогнозировании посткриминальной деятельности;

возможность интерпретировать её как проявление закономерно организованных процессов, доступных криминалистическому познанию.

Криминалистическое учение о посткриминальном поведении исходит из того, что поведение лица после совершения преступления неоднородно. В его структуре выделяются три антагонистических направления [3]:

негативное (противодействие расследованию) — действия, направленные на сокрытие следов, введение следствия в заблуждение, воздействие на свидетелей и т.п.

позитивное (содействие раскрытию и расследованию) — действия, направленные на сотрудничество с правосудием, минимизацию вреда и установление истины по делу,

индифферентное поведение, характеризующееся отсутствием активных действий как позитивного, так и неактивного характера (уклонение от контактов с правоохранительными органами, отказе от дачи показаний (в пределах, допускаемых законом), выжидательная позиция).

Деятельное раскаяние относится ко второму, позитивному направлению. Оно представляет собой не единичный акт, а целенаправленную систему активных действий лица после совершения преступления. Таким образом, деятельное раскаяние целесообразно осмысливать как одну из форм посткриминальной деятельности, а последнюю — как структурный элемент объекта криминалистики.

Такой подход создает теоретические предпосылки для решения ряда актуальных задач криминалистической науки и практики:

определения соотношения понятий «посткриминальное поведение», «посткриминальная деятельность» и «деятельное раскаяние»;

разработки понятия криминалистической характеристики деятельного раскаяния,

выявления закономерностей возникновения, фиксации и использования криминалистически значимой информации в условиях деятельного раскаяния;

совершенствования тактики следственных действий,

формирования частных методик расследования в условиях позитивного посткриминального поведения, а также выявления и преодоления имитации деятельного раскаяния и самооговора.

В прикладном плане осмысление деятельного раскаяния как объекта криминалистического познания создает возможности для:

разработки системы тактических приёмов и комбинаций, наиболее эффективных при производстве следственных действий в условиях деятельного раскаяния,

определения средств и методов проверки добровольности и искренности раскаяния, а также выявления его имитации,

конкретизации способов фиксации действий лица, направленных на заглаживание вреда, и оценки их реальности и соразмерности,

обеспечения эффективного взаимодействие следователя, дознавателя, оперативных подразделений и иных участников уголовного судопроизводства.

Предпосылки осмысления деятельного раскаяния в криминалистической науке и практике тождественны предпосылкам формирования частной криминалистической теории посткриминальной деятельности. Методологически это соответствует принципу движения познания от целого к частному: теория посткриминальной деятельности выступает теоретическим основанием, в рамках которого деятельное раскаяние получает статус частного объекта познания, а её предпосылки конкретизируются применительно к данному институту.

Отметим, что количество монографических и диссертационных исследований, посвящённых проблематике деятельного раскаяния, весьма значительно, что обусловлено востребованно-

стью научного обеспечения правоприменительной практики. Однако диссертации юридического профиля чаще всего готовятся в рамках уголовного и уголовно-процессуального права, тогда как на долю криминалистики приходится существенно меньшее количество работ. Хотя исследования посткриминального поведения в криминалистической науке проводятся относительно давно — теоретическую основу для изучения закономерностей посткриминального периода заложили Р. С. Белкин, В. П. Лавров, В. А. Образцов в конце 80-х — начале 90-х годов XX века [5, с. 48], — основной акцент в них сосредоточен преимущественно на преодолении противодействия расследованию. Иными словами, в фокусе внимания криминалистов традиционно находились негативные формы посткриминального поведения, тогда как его позитивные проявления, и прежде всего деятельное раскаяние, долгое время оставались на периферии научного интереса. Среди немногих авторов, уделивших внимание познанию деятельного раскаяния в рамках криминалистической науки, мы можем отметить А.В. Савкина [6], В.В. Ерахмилевича и Д.А. Казанцева [7], Е. Л. Забарчука [8].

Между тем именно деятельное раскаяние как форма позитивной посткриминальной деятельности порождает специфическую познавательную ситуацию, требующую разработки самостоятельного криминалистического обеспечения. Восполнение этого пробела составляет одну из актуальных задач современной криминалистической теории и практики.

Криминалистическая характеристика деятельного раскаяния может быть представлена через совокупность взаимосвязанных элементов, каждый из которых отражает определённую грань данного объекта познания криминалистической науки.

Во-первых, субъект деятельного раскаяния, которым выступает лицо, совершившее преступление и впоследствии осуществляющее позитивные посткриминальные действия. В 2008 году Е.Л. Забарчуком проводилось исследование личности деятельно раскаявшихся обвиняемых на основе 105 уголовных дел. По данным Е.Л., среди таких лиц преобладают служащие, инженерно-технические работники и предприниматели (52,3%), рабочие (27,2%), а также лица с более высоким уровнем образования. Подавляющее большинство (94,5%) имели положительные характеристики по месту работы и жительства, 91,9% совершили преступление впервые, а их преступный умысел носил неустойчивый характер, как правило, они выполняли второстепенные роли под влиянием криминогенной среды. Лиц, деятельно раскаявшихся, отличает пониженный уровень волевой сопротивляемости к воздействию других лиц и сложившихся обстоятельств [8, с. 45-47].

Сегодня эти данные нуждаются в существенном обновлении. Это обусловлено, как минимум, двумя обстоятельствами. За прошедшие полтора десятилетия заметно изменился социально-демографический профиль лиц, совершающих преступления, существенно обновилась сама преступность. Вместе с тем, актуальным остаётся вопрос о том, насколько устойчивыми являются выявленные Е.Л. Забарчуком характеристики в современных правовых и социальных реалиях.

Во-вторых, мотивация деятельного раскаяния, которая, по нашему мнению, является центральным субъективным элементом криминалистической характеристики, поскольку именно она определяет подлинность или имитационный характер раскаяния. Мотивация может быть: позитивной (истинное деятельное раскаяние, характеризующееся добровольностью, осознанностью и искренностью); негативной (имитация раскаяния, направленная на введение следствия в заблуждение, сокрытие соучастников или более тяжкого преступления, либо самооговор, обусловленный психическим давлением или стремлением защитить иных лиц); комбинированной (признание вины и совершение предусмотренных законом позитивных действий при одновременном сокрытии части информации или неполном возмещении ущерба).

В-третьих, ситуация деятельного раскаяния, детерминированая совокупностью факторов: этапом расследования (до возбуждения уголовного дела, первоначальный или последующий), объёмом имеющихся доказательств (достаточная совокупность либо признание как единственный источник информации), позицией защиты (наличие защитника, его тактическая линия), а также наличием потерпевших и соучастников, что определяет объём действий по заглаживанию вреда и содействию раскрытию преступления.

В-четвертых, содержательную основу деятельного раскаяния составляет система активных действий лица, направленных на сотрудничество с правосудием и минимизацию вреда: добровольная явка с повинной, полное признание вины, предоставление информации, которая помогает раскрыть другие эпизоды или найти соучастников, указание на лиц, участвовавших в подготовке или совершении преступления, реальные действия, направленные на компенсацию потерпевшему, и т.п.

В-пятых, следовая картина деятельного раскаяния. К типичным следам в ситуации деятельного раскаяния относятся: протоколы следственных действий (явки с повинной, допроса, проверки показаний на месте); документы, подтверждающие возмещение ущерба (платёжные поручения, рас-

писки, акты приёма-передачи, выписки о транзакциях денежных средств в онлайн-банкинге); электронные данные (переписка, аудио- и видеозаписи), удостоверяющие добровольность обращения и полноту сообщаемых сведений; сведения оперативно-розыскного характера, используемые для проверки достоверности признательных показаний; заключения судебных экспертиз, подтверждающие или опровергающие сообщённые лицом сведения.

В научной литературе предложена периодизация деятельного раскаяния, включающая получение признания в совершении преступления и его процессуальное закрепление [7, с.90]. Развивая данную идею, представим периодизацию более развернуто — как систему взаимосвязанных этапов, каждый из которых характеризуется собственным содержанием, типичными следственными ситуациями и комплексом криминалистических средств и методов:

латентный (внутренний) этап, предполагающий формирование мотива к раскаянию, оценка лицом собственного положения, возможных правовых последствий и готовности к сотрудничеству со следствием. Данный этап может протекать в трёх основных ситуациях: а) до возбуждения уголовного дела; б) после возбуждения уголовного дела, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, ещё не установлено; в) в ходе расследования в отношении конкретного лица. Внешне поведение лица на данном этапе может не выражаться в каких-либо активных действиях — речь идёт о внутреннем, психологическом процессе, который, однако, имеет криминалистически значимое проявление вовне: лицо может начать проявлять признаки психологической готовности к сотрудничеству со следствием, что может быть выявлено следователем (или оперативным сотрудником). В двух первых ситуациях лица, осуществляющие криминалистическою деятельность может повлиять на ситуацию лишь опосредованно, путем осуществления следственной и оперативно-розыскной профилактической деятельности. В последнем случае, установив психологический контакт, следователь должен принять исчерпывающие меры к побуждению лица к деятельному раскаянию, получению исчерпывающих признательных показаний и их процессуальному закреплению,

первичное волеизъявление и процессуальное закрепление признания. Фиксируются инициатива лица, время, место и обстоятельства обращения, отсутствие признаков принуждения. Процессуальное закрепление осуществляется посредством оформления протокола явки с повинной, либо занесения соответствующей записи в протокол следственного действия, в ходе которого сделано признание. Ключевая тактическая задача — не утратить достигнутый психологический контакт и не спровоцировать ситуацию, при которой лицо откажется от признания или попытается воспрепятствовать расследованию (предупредить сообщников, перепрятать похищенное и т.п.),

проверка полноты, непротиворечивости и объективной подтверждаемости сведений — сопоставление показаний деятельно раскаявшегося обвиняемого с иными доказательствами, выявление расхождений, оценка достоверности сообщённой информации. На данном этапе устанавливается, насколько сведения, представленные лицом, согласуются с материалами уголовного дела и не противоречат им.

этап активного способствования раскрытию и расследованию — изобличение соучастников, указание мест хранения похищенного, помощь в обнаружении доказательств, участие в проверке версий. Специфика данного этапа определяется риском утраты криминалистически значимой информации, что обусловливает необходимость безотлагательного планирования и производства следователем (дознавателем) комплекса следственных и иных мероприятий, направленных на проверку и закрепление сведений, сообщённых деятельно раскаявшимся лицом. Использование фактора внезапности при этом позволяет нейтрализовать возможное противодействие со стороны соучастников и иных заинтересованных лиц,

этап заглаживания причинённого вреда — возмещение ущерба, компенсация морального вреда, оказание медицинской или иной помощи потерпевшему, принесение извинений. Криминалистическое значение имеют документальное подтверждение таких действий, их реальность, соразмерность и добровольность.

Итак, деятельное раскаяние — это не только правовое, но и криминалистическое явление. Это означает, что оно обладает собственными, характерные именно для него криминалистически значимыми признаками и закономерностями, требующими системного описания.

Список литературы:

[1] Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. Москва: Прогресс-Традиция, 2003 (Люберцы (Моск. обл.): ПИК ВИНИТИ). 743 с.

[2] Поппер К. Логика научного исследования / пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. Москва: Республика, 2005. 446 с.

[3] Избранные произведения по философии и методологии науки: доказательства и опровержения (как доказываются теоремы). История науки и ее рациональные реконструкции. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос; [пер. с

англ. И. Н. Веселовского, А. Л. Никифорова, В. Н. Поруса ; сост. общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Поруса]. Москва: Акад. Проект, 2008. 475 с.

[4] Андреев А.С. Посткриминальная деятельность как объект познания в криминалистике и практике расследования преступлений: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12. Ростов-на-Дону, 2020. 515 с.

[5] Варданян А.В. Развитие систем знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности как закономерный результат поступательного развития науки криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1. С. 44-51.

[6] Савкин А.В. Деятельное раскаяние в преступлении: правовые и криминалистические проблемы: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2002. 425 с.

[7] Ерахмилевич В.В. О криминалистическом обеспечении расследования преступлений в условиях деятельного раскаяния / В. В. Ерахмилевич, Д. А. Казанцев // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 6(98). С. 88-91.

[8] Забарчук Е. Л. Принятие решения о деятельном раскаянии лицом, привлекаемым к уголовной ответственности // Журнал российского права. 2008. № 8(140). С. 42-48.

References:

[1] Stepin V.S. Theoretical knowledge: structure, historical evolution. Moscow: Progress-Tradition, 2003 (Lyubertsy (Mosk. region): PEAK VINITI). 743 p.

[2] Popper K. The logic of scientific research / trans. From English. under the general. ed. V.N. Sadovsky. Moscow: Republic, 2005. 446 pp.

[3] Selected works on the philosophy and methodology of science: proofs and refutations (as theorems prove). History of science and its rational reconstructions. Falsification and methodology of research programs / I. Lakatos; [trans. From the English I.N. Veselovsky, A.L. Nikiforov, V.N. Porus; comp. general. ed. and entry. Art. V. N. Porus]. Moscow: Acad. Project, 2008. 475 s.

[4] A.S. Andreev. Post-criminal activity as an object of knowledge in forensic science and crime investigation practice: diss.... Dr. Jurid. Sciences: 12.00.12. Rostov-on-Don, 2020. 515 p.

[5] Vardanyan A.V. Development of knowledge systems on the forensic characterization of post-criminal activity as a natural result of the progressive development of the science of forensics // Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2021. № 1. S. 44-51.

[6] Savkin A.V. Active repentance of a crime: legal and forensic problems: diss.... Dr. Jurid. Sciences: 12.00.09. Moscow, 2002. 425 s.

[7] Erakhmilevich V.V. On the forensic support of the investigation of crimes in conditions of active repentance / V.V. Erakhmilevich, D.A. Kazantsev // Izvestia of Altai State University. 2017. № 6(98). S. 88-91.

[8] Zabarchuk E. L. Making a decision on active repentance by a person prosecuted // Journal of Russian Law. 2008. № 8(140). S. 42-48.

